

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КОРОЛЁВ

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР

ГЛАЗАМИ КОСМИЧЕСКИХ
АКАДЕМИКОВ

ПРОФЕССИЯ
КОНСТРУКТОР

ВЛАДИМИР
ГУБАРЕВ

Профессия. Конструктор

Владимир Губарев

**Королев. Главный конструктор
глазами космических академиков**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

Губарев В. С.

Королев. Главный конструктор глазами космических академиков /
В. С. Губарев — «Алисторус», 2022 — (Профессия. Конструктор)

ISBN 978-5-00180-705-6

Владимир Степанович Губарев ушёл из жизни в год юбилея своего великого героя — Главного конструктора Сергея Павловича Королёва, 25 января нынешнего 2022 года... Историк науки и покорения космоса, автор и сам по себе фигура легендарная. В апреле 1961 года именно Владимир Губарев написал первый газетный репортаж, в котором сообщил о полете Юрия Гагарина... Владимир Губаревы входил в узкий круг «космических журналистов», которые рассказывали нам о первых запусках еще до гагаринского полёта. И о Сергее Павловиче Королёве автор знал не по книгам. Десятки разговоров с ним и космическими академиками, сотни записей по горячим следам стали основой этой книги. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00180-705-6

© Губарев В. С., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Он жил стремительно...	6
Глава 1. Каким был Королёв	7
Глава 2. Гагаринский пролог	12
Глава 3. Выбор пути	17
Глава 4. Ракетные старты	21
Глава 5. Нет слова «нельзя»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Губарев
Королев. Главный конструктор
глазами космических академиков

© Губарев В. С., 2022

© Замостьянов А. А., автор-составитель, 2022

© ООО «Алисторус», 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Он жил стремительно...

Он жил стремительно, будто зная, что ему отведено всего 60 лет.

Он считал, что настоящая мечта не должна иметь границ, а потому космические путешествия были для него повседневностью, хотя никто еще не мог преодолевать земного притяжения.

Он умел увлекать своими идеями, и тысячи людей работали «от гимна до гимна», не подозревая, что есть день и ночь, праздничные и выходные дни.

Он шагал впереди, и казалось, не существует преград, способных его остановить.

Он так и погиб, мгновенно и неожиданно, как это бывало с его ракетами, которые иногда взрывались при старте. Но можно сделать новые ракеты, а найти достойную ему замену было невозможно, и дальнейший ход истории лишь подтвердил, что незаменимые все-таки есть!

Сегодня мы четко знаем, что XX век стал для цивилизации веком космоса, а значит, и веком Королева.

В канун 100-летия со дня рождения Сергея Павловича Королева я выпустил книгу «Русский космос». Это рассказ о самом великом конструкторе, о его соратниках и друзьях. Мне хотелось показать, что все великие достижения – от запуска первого искусственного спутника Земли и полета Юрия Гагарина до полетов орбитальной станции «Мир» и экспедиций к Луне, Венере, Марсу – так или иначе связаны с именем академика Королева. Когда я работал над книгой, то понял, что никаких доказательств просто не нужно: во всех достижениях мировой космонавтики есть присутствие Королева. Причем не только в том, что уже осуществлено на ближних и дальних орбитах, но даже в проектах, которые только начинают рождаться в умах ученых, конструкторов и космонавтов.

В юбилейные дни появится много статей, фильмов и телепередач об академике С. П. Королеве и космонавтике. Сколько бы их ни было, все равно, их будет недостаточно, потому что невозможно представить будущее человечества без космоса. Чтобы прорваться в него, надо было быть Гением. Значит, Сергеем Павловичем Королёвым.

Он жил стремительно, будто зная, что ему суждено остаться в веках.

Глава 1. Каким был Королёв

Мне посчастливилось лично знать этого великого человека. Яркого и самобытного даже в кругу не менее великих, о которых тоже пойдет речь в этой книге. Ведь первые шаги в космос невозможно совершить в одиночку, стараниями одного-единственного гения... Сразу назову и Мстислава Келдыша, и Валентина Глушко – выдающихся ученых XX века, без которых даже уникальная энергия Королёва не сработала бы на сто процентов.

В книгах, фильмах, документальных и художественных, в большинстве воспоминаний академик С. П. Королёв представляется человеком жёстким, суровым, даже беспощадным. Тем самым главным космическим конструктором, который помог обеспечить прорыв человечества в космос.

Но это неправда, поверхностное впечатление! Сергей Павлович был совсем иным – никогда не предавал соратников, ценил шутку, был обаятелен в компаниях и бесконечно преданным в любви к женщине. Именно таким я его вспоминаю. Вот – для начала – несколько эпизодов из его такой непростой и не очень долгой жизни. Родившийся 12 января 1907 г., он ушёл из жизни в 59 лет, тоже в январе.

Олег Ивановский, ведущий конструктор «Востока», провожавший Юрия Гагарина в полёт, при каждой нашей встрече (а их было немало) рассказывал о Сергее Павловиче Королёве. Сквозь бесконечную любовь и уважение к СП (так на фирме называли Королёва) проскальзывала мысль о том, что именно человеческие качества привлекали талантливых людей к шефу.

– Он не помнил зла, ценил в людях преданность делу, умение оценивать главное и отсутствие страха перед начальством. Он мог простить всё и всем, но только не самому себе...

– Что именно? – спросил я.

– ?!

– Да! Слава, успех, всевозможные торжества в честь первого полёта человека в космос – это лишь показная сторона этого великого события. А была и другая: он, Главный конструктор, поставил молодого парня на край гибели... Немало седых волос появилось у него, когда Юрий был в полёте. А потом он тщательно осматривал корабль, уделяя внимание тем самым деталям, дефекты которых едва не привели Гагарина к гибели.

Ещё на Земле отказал датчик герметичности люка. Ивановский с товарищами сумел быстро открыть люк, отогнуть датчик, вновь закрыть люк. Но сразу после старта пропала связь с кораблём. Микрофон в руках Королёва задрожал, лицо побледнело, стало неузнаваемым. Связь вскоре удалось восстановить. В такие минуты волосы у главных конструкторов и становятся седыми...

Потом баллистики сообщили, что «Восток» выведен на нерасчётную орбиту. Опять «седые минуты» – можно ли посадить корабль? Или Гагарин останется на орбите на две недели? А запас кислорода – на считанные дни. От таких мыслей не только поседеть можно, но и разум потерять.

А потом тормозной двигатель отработал меньше расчётного времени. К тому же не отделился приборный отсек, корабль начал крутиться – «случился кордебалет», позже прокомментирует Гагарин. И плюс к этому загорелась обмазка спускаемого аппарата – никто ещё не видел такого, а потому было страшновато. Когда наконец пришло сообщение, что Юрий Гагарин на Земле, Королёв медленно опустился в кресло.

Мечтал ли Сергей Павлович сам полететь в космос? Вопрос, конечно, риторический, но мне кажется, что, будь такая возможность, он полетел бы обязательно.

Первый ракетный двигатель РД-1 конструкции инженера В. П. Глушко, который руководил КБ спецотдела № 28 («шарашка» НКВД в Казани), был установлен на самолёте Пе-2 в

1943 г. С 22 августа по 18 ноября 1943-го было проведено 40 полётов с включением РУ-1. Прирост скорости составлял 200 км/ч! Так начал свою работу жидкостный реактивный двигатель, которому вскоре предстояло сыграть главную роль в судьбе ракетной техники.

Заключённого В. П. Глушко вызвал к себе Иосиф Сталин. Учёного везли в Москву в отдельном купе две женщины-конвоира. С Казанского вокзала до Кремля вели пешком – денег на трамвай не было. Час рассказывал Глушко хозяину Кремля о своих ускорителях. Сталин приказал тут же освободить Главного конструктора и попросил написать фамилии тех, кто заслуживал досрочного освобождения. Валентин Петрович тут же написал список из 35 человек – всех, кого вспомнил. Вторым в нём был Сергей Павлович Королёв.

Однажды на Байконуре во время подготовки к старту ракеты Королёв заметил инженера, читавшего книгу. Сергей Павлович посмотрел на обложку и вспыхнул: «Немедленно в Москву! Первым же рейсом. И заявление по собственному желанию!»

Он будет гневаться весь день. Пожалуется Келдышу: «Распустились! Они уже романы читают на стартовой».

Он не представлял, что инженер, конструктор может быть не занят в рабочее время, что он способен думать не о деле.

Королёв готов был простить человеку многое: не замечал его слабостей, не наказывал за ошибку, никогда не унижал, если знал, чувствовал, что тот предан работе. Это было высшим критерием его оценки человека.

Сергей Королёв с собакой Стрелкой, которой предстоит полет в космос

Очень любил Королёв собак. Постоянно расспрашивал об их самочувствии, а приходя в лабораторию, ласково трепал их. На полигоне было жарко, собаки пили много воды. В обязанности солдат, охраняющих вольеры, входило обеспечение животных водой. Однажды, проходя мимо, Сергей Павлович увидел, что миски пустые. Он страшно рассердился, приказал посадить «на губу» нерадивого солдата, а сюда подобрать того, кто любит животных.

Новый, 1961 год встречали, как обычно, – только самые близкие друзья и соратники. Сели за стол за 10 минут до полуночи, подняли тост за минувший год. В общем-то, 1960-й получился неплохим, хотя мог быть и лучше. Когда часы пробили полночь, встал Келдыш. Говорили о нём, что немногословен, суров, суховат. Но те, кого он считал друзьями, видели его иным – весёлым, оживлённым, разговорчивым. И не только на этих встречах в канун Нового года, но и на пусках.

«За космический год! – сказал Келдыш. – И за полёт человека!» Чокнулись бокалами с шампанским и замолчали. Разом все. Каждый представил, как это будет. А потом завели музыку. Королёв дважды станцевал с женой. Постепенно образовались две группы. Мужчины начали «праздничное рабочее совещание», хотя каждый раз договаривались, садясь за стол, что сегодня ни слова о делах. Ну а жёны – о своём: они давно привыкли к этому сценарию праздничных вечеров. Королёвы вернулись домой около трёх. А в 10.00 Сергей Павлович уехал на работу. В выходные и праздники он вызывал к себе тех, с кем в рабочие будни не удавалось встретиться, не хватало времени. Вот и сегодня должны приехать инструкторы космонавтов и один из учёных, который обязательно хотел побеседовать с Главным. Королёв машинально назвал дату: «1 января». А сейчас он подумал, что этот астроном из Тарту, наверное, провёл новогоднюю ночь в поезде, и почувствовал себя виноватым перед человеком, которого он ещё даже не видел. Так было.

Главный конструктор Сергей Королёв и академик Мстислав Келдыш (слева направо), 1956 год

Главный теоретик и Главный конструктор. Мстислав Келдыш и Сергей Королёв. Я долго искал образ, который смог бы выразить отношение Келдыша к науке. И объяснить, почему он стал служить именно ей.

Однажды он сказал о научном открытии и чувствах, которые испытывает человек, сделавший его: «Это напоминает мне Грига. Он шёл полем и услышал, как простая деревенская девушка поёт песню на его мелодию. И он понял, что его музыка стала частью её души. Его творение вошло в народную душу. Вот такая радость овладевает и исследователем, когда он видит, что его открытие преобразует жизнь».

С Сергеем Павловичем Королёвым они были не только соратниками, но и близкими друзьями. Келдышу и Королёву обязана наша Родина тем, что мы запустили первый искусственный спутник Земли и первого человека в космос. Не будь этих двух людей, без сомнения, мы так и остались бы вторыми. Впрочем, как это и случилось, когда их не стало.

Глава 2. Гагаринский пролог

Истории легендарных фотографий... С них многое начиналось.

– Ну раз история требует, нам нельзя отказываться. – Королёв рассмеялся. – Будем мучиться вместе, Юрий Алексеевич. Можно здесь? – Сергей Павлович показал на скамейку.

Королёв и Гагарин присели рядом. Фотограф достал экспонометр.

– Одна шестидесятая, – подсказал Гагарин.

– Ему можно верить, – заметил Королёв.

Фотограф сделал несколько кадров. Он был доволен – ведь это первая встреча Королёва и Гагарина в конструкторском бюро после полета. Он долго упрашивал Главного конструктора попозировать вместе с Гагариным для стенной газеты, экстренный выпуск которой должен появиться завтра.

Через несколько лет снимки Королёва и Гагарина, сидящих на скамейке, были опубликованы газетами всего мира.

Эти фотографии лежат передо мной на столе...

Мне посчастливилось встречаться с обоими. Столь непохожих двух людей трудно представить, но тем не менее у них было нечто общее... Много лет спустя стало понятным: их объединяли преданность делу, служение космонавтике и Родине.

Время ярче высветило главное и в Королёве и в Гагарине. Узнавая подробнее о судьбе каждого, понимаешь, что они шли одной дорогой к 12 апреля 1961 года, дню, навсегда соединившему их в памяти человечества.

Юрий Гагарин и Сергей Королёв

Для Гагарина Сергей Павлович был Учителем. Это естественно, ведь он принадлежал к старшему поколению. Он по-отцовски относился к Юрию Алексеевичу. Да и как может быть иначе – ведь эстафету подвига народа старшее поколение всегда передает молодым...

Перед вами не биографии двух людей, восславивших нашу Отчизну. Из многих событий, из которых складывается человеческая судьба, я выбрал лишь некоторые: два человека – Королёв и Гагарин – идут навстречу друг другу...

Сейчас над планетой работают орбитальные комплексы. К ним стартуют новые экипажи.

Космонавты открывают люк и всплывают в станцию. Щелчок выключателя, вспыхивают светильники. На одной из стен они видят фотографию Главного конструктора и Первого космонавта Земли.

В 1934 году Сергей Павлович Королёв дарит Циолковскому свою книгу «Ракетный полет в стратосфере».

«Книжка разумная, содержательная, полезная», – отзывается Циолковский.

Есть предположение (точно установить так и не удалось!), что Сергей Павлович приезжал в Калугу. Воистину – историческая встреча. Теоретик космонавтики и Главный конструктор.

В одной из книг автор воспроизводит рассказ Сергея Павловича о встрече: «Запомнились удивительно ясные глаза, крупные морщины. Говорил Циолковский энергично, обстоятельно. Минут за тридцать он изложил нам существо своих взглядов. Не ручаюсь за буквальную точность сказанного, но запомнилась мне одна фраза. Когда я с присущей молодости горячностью заявил, что отныне моя цель – пробиться к звездам, Циолковский улыбнулся и сказал: «Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Это дело потребует знаний, настойчивости, терпения и, быть может, всей жизни...»

Верил ли Циолковский, что то будущее, которое он предсказывал, наступит так скоро?

С. П. и Н. И. Королёвы на праздновании 100-летия со дня рождения К. Э. Циолковского. Калуга. 15 сентября 1957 г.

Памятник Константину Циолковскому и Сергею Королёву в Калуге

Безусловно. Ведь к нему по-прежнему приходили письма из ГИРДа: «Работаем не покладая рук; на днях поступило несколько опытных ракет на высоту порядка 1–2 километра для проверки некоторых выкладов и конструкций. Сейчас широко развертываем экспериментальные работы на стендах и на полигоне. Получаем неплохие результаты, жаль, что Вы живете не в Москве...»

На снимке Циолковский и Тихонравов. Конструктор рассказывает о своей работе. Тот самый Михаил Клавдиевич Тихонравов, который по праву считается одним из пионеров космоса. Его ракеты поднялись ввысь первыми в нашей стране, его проекты имеют самое непосредственное отношение к старту Юрия Гагарина.

Но до этого еще далеко. Первый космонавт планеты пока не родился. Алексей Иванович привез свою Анну из Клушина в Гжатск 2 марта. Он поторопился...

Этой весной он понял, чему надо посвятить свою жизнь. Да, есть способный авиаконструктор (его уже так называли) Королёв. Неплохо летал на планере – свидетельство тому соревнования в Коктебеле.

Ему уже шел 29-й год. Три года назад он встретился с Ф. А. Цандером. Вместе они создали сначала Московскую группу изучения реактивного движения, а затем ГИРД.

Теперь у них уже институт, и с весны 1934 года Сергей Павлович Королёв – руководитель отдела ракетных летательных аппаратов Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ).

Но отдел есть, а ракет пока нет...

И возможно ли оправдать те надежды, что влекут тысячи людей к зданию университета, где должна состояться лекция о полете на Марс?

Ему предстояло ответить на это.

«Нет», – лучше так ответить, благо даже на авторитет великого Циолковского можно сослаться. Мол, это удел фантастов и таких писателей, как Алексей Толстой. Пусть творят своих Аэлит...

Сказать «нет» – значит обеспечить спокойную жизнь, ведь в кармане диплом инженера и свидетельство об окончании школы летчиков. Обе специальности популярны и необходимы в стране. Летай, конструируй – пришло ведь время авиации, и друзья убеждают: ей принадлежит будущее.

Он не возражает, но неизбежно добавляет одно слово: «ближайшее...» А вторую половину XX века инженер и летчик Сергей Королёв видит иной – ракеты начинают превосходить авиацию и по скорости, и по высоте полета. Более того, именно они унесут человека за пределы Земли...

Стоп! Это уже фантастика... Но он не может сдержаться.

31 марта в Ленинграде началась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. Открывал ее будущий президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов.

Нет, не о том, как преодолеть этот барьер между Землей и космосом, шел разговор тогда. Стратостаты – вот что владело умами, ведь они первыми ринулись ввысь. На них поднимались отчаянные смельчаки, погибали, но на смену приходили другие...

Инженер Сергей Королёв выступал на одном из заключительных заседаний.

– Мною будет освещен ряд отдельных вопросов в связи с полетом реактивных аппаратов в стратосфере, причем особо подчеркиваем, – начал он, – именно полетов, а не подъемов, то есть движения по какому-то маршруту для покрытия заданного расстояния...

А потом он говорит о полете человека, причем «...речь может идти об одном, двух или даже трех людях, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей».

Это было время мечтателей. Инженер Королёв и не скрывал, что принадлежит к ним. Но уже в те годы начали проявляться те качества характера, которые станут чуть ли не главными в нем, когда он станет конструктором космоса.

Однажды на Байконуре во время подготовки к старту ракеты он заметит инженера, читающего книгу. Сергей Павлович посмотрит на обложку, а затем вспылит:

– Немедленно в Москву! Первым же рейсом... И заявление по собственному желанию!

Он будет гневаться весь день. Даже пожалуется Келдышу:

– Распустились поди, они уже романы читают на стартовой...

Он не представлял, что инженер, конструктор может быть не занят в рабочее время, что он способен думать не о деле.

Он прощал все человеку – не замечал его слабостей, не наказывал за ошибку, никогда не унижал, если знал, чувствовал, видел, что тот предан работе. Это было высшим критерием его оценки человека.

Глава 3. Выбор пути

С каждым новым сотрудником обязательно разговаривал сам. И когда был уже Главным конструктором, и тогда, в РНИИ.

В его поведении много непонятного, противоречивого, казалось бы, даже нелепого. Окружающие считают его упрямым фантазером, даже безумцем. Хороший инженер – разве он не видит, что его рассуждения о полете на Марс (заразился-таки у Цандера!) беспочвенны, нереальны?!

О каком Марсе идет речь, если первые ракеты поднимаются на десятки метров и выглядят забавной игрушкой для взрослых?!

Он не любит, когда над ним смеются... Он не хочет быть похожим на Цандера, ушедшего в свои мечты и ничего не замечающего вокруг. Фридрих Артурович с утра и до глубокой ночи сидит в лаборатории, даже приходится отдавать приказ: не оставлять его одного, а выпроваживать домой – уже две профсоюзные комиссии делают ему, Королёву, замечание, что он не следит за рабочим днем своих сотрудников, «эксплуатирует их». Но как их выдворить из подвала, если каждый считает – лишний час сокращает время полета к Марсу на месяцы (ох, этот Цандер, кого хочешь может увлечь!).

Впрочем, последний случай даже Королёва вывел из терпения. Техника исключили из комсомола за неявку на собрания. А он эти вечера провел в подвале, но сказать там, в ячейке, об этом не мог – секретная у них была организация. Пришлось выручать парня...

Сергей Павлович, конечно, отчитал техника, даже пара крепких выражений вырвалась, но, честно говоря, он был доволен – именно такие люди нужны ему. Иначе ни ракет не будет, ни ракетопланов, ни Марса.

С начальником отдела кадров института уже давно установились добрые отношения. Стоило появиться новому специалисту в отделе кадров, немедленно посылали за Королёвым.

На этот раз Королёв застал в кабинете новенького. Сразу произвел на него впечатление своей коверкотовой курткой, опоясанной командирским ремнем, и синими галифе, которыми Королёв гордился. Он заметил, что на паренька его начальственный вид подействовал.

– Арвид Палло, – тихо представился юноша, – хочу к вам работать.

– С авиацией знакомы? – спросил Королёв.

– Не очень. Лучше с артиллерией.

– А почему именно к нам?

– Рядом живу, – усмехнулся Палло.

– И это единственная причина? – Королёв понял, что Палло уже оправился от смущения.

И это ему понравилось.

– Не люблю ненужных вопросов, – сказал Палло, – буду плохо работать, сам уйду.

– Согласен, – сдался Королёв, – но учтите, сам прослежу за вами. – Понравился ему новичок, но показывать этого Королёв не хотел.

Арвид Палло стал одним из самых близких помощников Сергея Павловича. Много лет спустя именно Палло возглавит группу поиска, которая встретит после возвращения из космоса первых собачек, корабли-спутники, а затем и «Востоки». Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валентину Терешкову.

Это будет четверть века спустя...

Умел понимать людей Королёв, их способности, черты характера, мечты. И его преданность им оплачивалась их верой в Сергея Павловича, или СП, как называли его сначала друзья, впоследствии сотрудники конструкторского бюро, а в конце концов все, кто был связан с началом космической эры.

Но пока они зовут друг друга по имени.

– Я не буду больше испытывать, напрасная работа. – Палло положил на стол перед Королёвым график испытаний. – Надо менять конструкцию.

– Это же две недели задержки! – Королёв оторвался от бумаг. – А у нас нет времени. Понимаете, нет времени, – повторил он. – Арвид, – начал он уговаривать Палло, – система должна выдержаться, неужели из-за какого-то пустякового соединения мы должны стоять...

– Вырывает трубопровод, – не сдавался Палло, – новая конструкция нужна.

– Продолжайте испытания, – распорядился Королёв, – это приказ.

– Я не могу ему подчиниться. – Палло был упрям.

– Трусись, значит? – Королёв нахмурился. – В таком случае садись на мое место, а я на стенд... – Он быстро выскочил из кабинета.

Минут через двадцать резко зазвонил телефон.

– Это я, – Палло узнал голос механика, – несчастье, Арвид... Трубопровод вырвало... Королёва в Боткинскую больницу увезли...

– Что с ним?

– По лбу трубка ударила. Крови много...

Палло выругался. Такого оборота событий он не ожидал.

– Меня не ждите, я в больницу, – крикнул он в трубку.

Сергей Павлович сидел на кровати. Голова была замотана бинтами. Синий халат на груди не застегивался. «Крупный все-таки мужик», – подумал Палло.

– Это ты? – Королёв улыбнулся. – Здорово по голове садануло. Приехал убедиться?

– Не ожидал, что так получится. – Палло покраснел.

– А кто меня предупредил? – Королёв расхохотался. – И поделом. Глупость любой лоб может расшибить, вот так-то, Арвид!.. Прав, надо конструкцию переделывать... Спасибо тебе... Садись, садись, помозгуем... Хоть и слегка треснул череп, но еще соображаю.

На всю жизнь запомнил Арвид Палло сидящего на кровати Сергея Павловича Королёва, улыбающегося, в халате, который он так и не смог застегнуть...

Они делали первые шаги в принципиально новую область техники. Будущие главные конструкторы еще были слесарями и механиками, испытателями и токарями. Все делали своими руками, и каждая неудача – а их было немало – вынуждала искать и находить иной путь в том мире техники, который им предстояло создать.

Эпоха рождала главных конструкторов. И уже в те годы рядом с Сергеем Павловичем Королёвым оказались люди, прошедшие с ним до запуска Юрия Гагарина.

Это были годы великих строек, годы Магнитки и Днепрогэса, первых заводов и подвигов авиаторов... Заурчали тракторные двигатели, запели первые моторы самолетов, загудели турбины... И в этих звуках рождающейся отечественной техники как призыв к будущему прозвучали взрывы в рavelинах Петропавловской крепости.

Эти испытания будущих ракетных двигателей, поднявших в космос первый спутник и Юрия Гагарина, не мог не услышать инженер Сергей Королёв. И судьба свела его с инженером Валентином Глушко.

Весной 34-го года они работали вместе в РНИИ (ГДЛ и ГИРД объединились), и Валентин Глушков возглавил двигательный отдел. На его счету уже были конструкции двигателей, которые войдут в историю отечественной ракетной техники как «первые ЖРД».

На конференции по изучению стратосферы, где выступал Королёв на заключительном заседании, он сказал:

– Работа реактивного двигателя на твердом топливе представляет не что иное, как реактивный выстрел. – А затем Королёв убедительно доказал, что будущее за жидкостными двигателями, которыми можно управлять.

Безусловно, он имел в виду работы Глушко, с которыми хорошо был знаком.

В отличие от Королева будущий главный конструктор ракетных двигателей не увлекался авиацией. Из Одессы, где теперь установлен бюст дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР академика В. П. Глушко, он сразу же зашагал к звездам.

«Весной 1921 года я прочел «Из пушки на Луну», а затем «Вокруг Луны». Эти произведения Жюль Верна меня потрясли, – пишет в автобиографическом очерке В. Глушко. – Во время их чтения захватывало дыхание, сердце колотилось, я был в угаре и был счастлив. Стало ясно, что осуществлению этих чудесных полетов я должен посвятить всю жизнь без остатка».

Ему было 13 лет. А с 15 Валентин Глушко уже переписывается с К. Э. Циолковским. «Все письма Циолковского, – вспоминает академик, – приходили в самодельных квадратных конвертах небольшого формата склеенных из белой бумаги. По просьбе Циолковского стоимость изданий, кстати сказать, очень скромная, оплачивалась почтовыми марками, которые я прикладывал к очередному своему письму. Любопытно, что в оплату двух книг в заказном письме К. Э. Циолковскому 8 октября 1923 года мною было внесено 460 миллионов рублей, что соответствовало по курсу дня одному рублю золотом. В то время самым мелким денежным знаком был миллион рублей, отпечатанный на маленькой бумажке».

Юноша увлекается астрономией, химией, наблюдает Венеру. Он оставляет занятия музыкой, хотя в Одесской музыкальной академии ему настоятельно советуют продолжать учиться. Профессия музыканта была почетна, и ему сулят блестящее будущее, но непослушный подросток начинает... писать книгу «История развития идеи межпланетных и межзвездных путешествий».

– Счастлив тот, кто нашел свое призвание, способное поглотить все его помыслы и стремления, заполнить всю его жизнь чувством творческого труда. Дважды счастлив тот, кто нашел свое призвание еще в отроческие годы. Мне выпало это счастье. Жизненный путь, выбор решений на крутых поворотах, каждодневные поступки – все подчиняется одной мысли: приблизит ли это к заветной цели или отдалит? – Эти слова принадлежат В. П. Глушко.

14 октября 1945 года на берегу Северного моря был проведен запуск ракеты Фау-2. Ее готовили к старту те самые немецкие специалисты, которые работали с Вернером фон Брауном.

Делегации СССР, США и Франции наблюдали за подготовкой к пуску и полетом ракеты. Хозяевами себя считали англичане – ведь немецкие специалисты были их военнопленными.

Среди наших представителей был и инженер-полковник В. П. Глушко. В 1945–1946 годах вместе с группой специалистов он посетил Германию, Чехословакию и Австрию, где находились предприятия, связанные с ракетной техникой. Немного удалось увидеть – предусмотрительные янки уже давно отправили за океан и ракетчиков и Фау.

Еще несколько лет за океаном гремели ракетные двигатели, созданные в нацистской Германии, сотрудники Вернера фон Брауна и он сам передавали опыт своим американским хозяевам. Впрочем, вскоре они стали уже их коллегами...

Поезд на перегоне притормозил. Машинист знал: пассажирам выходить именно здесь, посредине степи. Дальше поезд пойдет пустой.

Молодые инженеры выскочили, не дожидаясь, пока вагон остановится совсем. Честно говоря, не терпелось увидеть место, где им суждено было работать.

Они были очень юные, эти инженеры. Они поступили в институты, когда еще на западе шли тяжелые бои, но до Победы уже оставались месяцы. Им не суждено было ворваться первыми в Берлин и Вену, Кенигсберг и Будапешт. Они, безусловно, разделяли всеобщую опьяняющую радость Победы, а в душе таилось сожаление, что им не пришлось принимать участие в гигантской битве за Родину. Им казалось, что самое великое в истории страны уже позади.

Они не предполагали, что им выпала честь шагнуть к космосу.

Степь встретила их неприветливо, сильной пылевой бурей. Вытянутую руку еле видно. Они стояли возле своих чемоданов обескураженные и растерянные. Куда идти?

Из темноты вынырнула подвода. Впереди сидел старик.

– Гей-гей! Сторонись! – крикнул он. Инженеры отпрянули в сторону. Возница обернулся к ним. У него было грубое, обветренное лицо. – Если в хутор, то тут недалеко. – Он ткнул пальцем в темноту.

Через полчаса инженеры добрались до конторы. В маленькой хатенке, приютившейся в деревянной церкви, их встретил начальник отдела кадров.

Инженеры представились.

– Утром разберемся, а сейчас отдыхайте. – Начальник отдела кадров вновь уткнулся в лежащие на столе бумаги.

Инженеры недоуменно переглянулись:

– Простите, а где же здесь можно отдыхать? – наконец спросил один из них.

Кадровик устало поднял голову.

– Я сам здесь десятый день, а койки в глаза не видел. Пока ложитесь в соседней комнате, завтра что-нибудь придумаем...

Утром буря затихла.

Степана Царева направили в монтажные мастерские. Остальных оставили пока здесь. Степан долго не мог найти эти самые мастерские. Наконец он увидел какого-то человека в кожаной куртке.

– Вам в монтажные? – переспросил он. – Идемте. Я тоже туда. Часа за полтора доберемся.

В степь вела железнодорожная ветка. Они поднялись на насыпь и бодро зашагали на восток. Оба молчали.

– Скоро тупик будет, – наконец сказал попутчик Степана, – деревянный дом увидите. Это и есть мастерские. А мне сюда...

Он направился к вагончикам, которые стояли неподалеку.

С человеком в кожаной куртке – Сергеем Павловичем Королёвым – Степану еще много раз приходилось встречаться. Почти каждый день появлялся он в монтажных мастерских, заходил, спрашивал:

– Как ребята, дела? Что нужно сделать, чтобы лучше было?

Инженеры собирались вокруг него, рассказывали о своих трудностях, что-то предлагали. Здесь же, в мастерских, чуть в сторонке стоял чертежный стол. Он принадлежал конструкторам. Они сразу же исправляли недоделки, улучшали те или иные узлы.

В монтажных мастерских собирались ракеты.

Глава 4. Ракетные старты

Много лет спустя на космодроме шла подготовка к запуску одной из автоматических межпланетных станций. Старт был назначен на утро, а накануне вечером несколько человек собрались в гостинице. Мы пили чай, играли в шахматы, отдыхали после трудного дня. Потом ветераны вспоминали прошлое. В моем журналистском блокноте появились записи.

Инженер Л. Бродов: Я воевал. И поэтому могу смело сказать – здесь продолжение фронта. Огромная нагрузка ложилась на человека. Дорог не было. Сотни машин месили грязь. В сапогах не всегда пройдешь. Занимался я в то время топливом.

На паровозах рядом с машинистами сидели... Сейчас вспоминаешь и невольно улыбаешься. А тогда, поверьте, не до смеха было. Ночью, накануне пуска первой ракеты, подняли меня с постели и потребовали доставить немедленно на площадку две бочки керосина. Думаю, зачем керосин? Оказывается, для освещения...

Инженер В. Серов: Первый пуск, который я видел, был хороший. Я видел, как поднималась ракета. У стенда я стоял. Хотя, честно говоря, меня запуск особо не поразил. Что самое эффектное при старте ракеты? Конечно же, видеть, как двигатели работают. А я раньше на них насмотрелся, потому что был в то время заместителем начальника стенда огневых испытаний, где прожиг ракеты делается.

И сейчас стенд еще стоит как память о прошлом. По нынешним масштабам сооружение не столь большое, а нам тогда казалось огромным. 45 метров в высоту! А если учесть, что оно стояло на краю оврага, то еще полтора десятка метров можно смело добавить.

У оврага было несколько землянок. В одной из них заседала Государственная комиссия. Государственная комиссия, осмотрев только что построенный стенд, решила: прожиг провести через два дня.

Закрепили мы ракету на стенде. Вроде прочно все сделано, но выдержит ли он? Прожиг начали в пять вечера. Запуск двигателя произвел на нас ошеломляющее впечатление. Струя огня рванулась в овраг, изогнувшись вдоль бетонной полосы и ушла метров на четыреста. Примерно 60 секунд длился прожиг. Стенд выдержал, ракета была надежно закреплена. А слой бетона, по которому распространялось пламя, будто кто-то взорвался. До металлической сетки он выгорел.

В этот день мы почувствовали, что ракета родилась. Можно было ее и запускать.

Инженер Г. Стрепет: Вот уже почти четверть века ракетами занимаюсь. Сын в первый класс пошел, закончил школу... Потом два года на производстве отработал, поступил в вуз, закончил его. Теперь профессия у него современная – строитель, а я все ракеты пускаю. Видно, до тех пор буду, пока на пенсию не уйду.

Первый запуск, который я видел, конечно, помню отлично, словно вчера все происходило.

Ракета стояла на старте два дня. Долго мы готовили ее к пуску. Стартовая команда большая была: люди к пуску готовились и одновременно обучались.

Объявлена часовая готовность.

Последним от ракеты уходил один из специалистов. Я не помню его фамилии. Видел, только, как он, прощаясь, обнял ракету и поцеловал ее. Потом быстро спустился вниз.

Сергей Королёв на полигоне Капустин Яр. Май 1953 года

Сейчас на космодроме специальные укрытия, бункера и тому подобное, а в то время загнали две машины в аппарат – вот тебе и командный пункт и укрытие. Там и спрятались – мало ли что будет...

Пуск?

Я помню одно: все перепуталось. Рабочий обнимался с членом правительства, Главный конструктор – с шоферами. Как мы не задушили друг друга от радости, до сих пор понять не могу.

А ракета летит. Пускали на рассвете, чтобы лучше было видно. Ракета пошла хорошо. Поисковая группа нашла контейнер в 270 километрах от стартовой площадки, той самой, где теперь стоит памятник...

Люди, встречавшиеся с Сергеем Павловичем Королёвым в те годы, неизменно подчеркивают его решительность, убежденность в верности избранного направления. Казалось, его характеру не присущи сомнения.

Но Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР В. Емельянов, много лет работавший вместе с Игорем Васильевичем Курчатовым, рассказывает о случае, который характеризует Королёва иначе. Шел 1946 год, и естественно, будущего Главного конструктора волновало все, что могло так или иначе повлиять на развитие ракетной техники. Не мог он и не учитывать появления ядерной энергии.

Слово В. Емельянову:

«Когда я вошел в кабинет, навстречу мне поднялся незнакомый человек среднего роста, с простым русским лицом. Высокий лоб, энергичный, волевой подбородок, плотно сжатые губы. Вот нижняя-то часть лица и произвела на меня тогда наибольшее впечатление.

«Энергичный, собранный человек», – подумал я. Мне казалось, что он сжимал губы, чтобы не расплескать собранную в нем энергию и всю ее обратить на что-то выношенное, а может быть, даже выстраданное им. Подавая руку, он улыбнулся.

– Королёв... Мне хотелось бы, чтобы вы меня проинформировали об очень важном для нас деле. Может быть, сядем? – предложил Королёв.

– Пожалуйста, если я смогу дать интересующую вас информацию.

– Мы разрабатываем проект космического корабля. Собственно, пока это еще не корабль, а ракета. Для запуска ракеты необходимо высококонцентрированное топливо. Иначе преодолеть силы гравитации и оторваться от земли нельзя. Можно нам рассчитывать на ядерное топливо или остановиться на химическом?

Я замялся. Такого рода вопросы мы не обсуждали с лицами, не принадлежавшими к клану атомников. Но дело не только в этом: о Королёве я уже слышал от Курчатова. Но не знал, что у нас в стране параллельно решаются две крупнейшие проблемы века. Можем ли мы на нынешнем этапе развития работ помогать друг другу? А может, наоборот, этим мы станем лишь мешать? Нельзя накладывать одну трудность на другую. Тем более что это совершенно разные области. У нас очень много пробелов, «белых пятен». «Одни сплошные минусы», – как-то сказал Курчатов.

Глава 5. Нет слова «нельзя»

Королёв сидел и ждал ответа, не спуская с меня глаз.

– Нельзя... – начал было я.

– Что – нельзя? – резко перебил меня Королёв. – В нашем лексиконе этого слова нет. Да и у вас, видимо, оно не в обиходе. Что – нельзя?

– ...нельзя накладывать одну трудность на другую.

– Это в принципе правильно. Вот потому-то я и хотел с вами посоветоваться. Мы с вами не только ученые, но и инженеры. Ведь то, что ныне будет заложено в работе, определит основные направления исследований на ряд лет. Путь, быть может, хотя и правильный, но не самый оптимальный. Мы должны спешить. И мы и вы. Поэтому меня и волнует вопрос, каким путем идти: развивать работы по химическому топливу или делать ставку на ядерную энергию?..

Королёв сделал выбор. Он оказался наилучшим. Но он не раз еще будет возвращаться к использованию атомной энергии в космосе. Через несколько лет, когда поближе познакомится с И.В. Курчатовым и А. П. Александровым и когда уже будет создан первый реактор, и первая бомба, и первая атомная станция; да и в последние дни жизни, когда о будущем космоса будет подолгу беседовать со своими соратниками, и в первую очередь с теми, кто начинал с ним восхождение за пределы Земли.

Тридцать лет спустя к событиям осени 1947 года меня вернул разговор с академиком Николаем Алексеевичем Пилюгиным. Вначале мне показалось, что академик шутит.

– Действительно, старта ракеты ни разу не видел. Как-то не удавалось... Однажды взглянул в перископ, но там только дым и круговерть, ничего понять невозможно. И я снова к пультам управления и аппаратуре, тут вся картина ясна как на ладони.

– За все эти десятилетия так ни разу и не были на наблюдательном пункте? – не сдавался я. – Неужели так и не видели старта «живьем»?..

– Всегда в бункере. Да и Королёв тоже... А на наблюдательной площадке обрывки информации, лишь отголосок пуска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.